

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ

Несут покойника. Ну, жена там причитает, рыдает... А тут, перед входом на кладбище, его – хлесь – ветка от дерева, и покойник очнулся. Все, естественно, врассыпную. А он – в непонятках! Просто это был глубокий сон, летаргический. Потом всё как-то улеглось, уладилось.

Прожил он еще пару лет, и снова умирает, теперь уже натурально. Снова его несут – и всё – по старому сценарию: жена плачет, причитает... А перед входом на кладбище вдруг кричит: «Кума, зараза, держи ветку, а то как хлестанет – и этот гад снова очнется, я другого раза не вынесу!»

ВЫГОДНОЕ ДЕЛО

Соседи однажды выпивали, как обычно, «для общения». После третьей – нет, не рюмки – разговор зашел о том, как поправить свое материальное положение. Перебрали все доступные способы: предпринимательство, фермерство, воровство, торговлю. Ни один из них не подходил: или долгосрочен, или чреват последствиями. А нужен был беспроегрышный и быстрый вариант. Но как быть без первоначального капитала? И тут Николая осенило:

– Чуешь, Стёпка, так у тэбэ ж свыня е!

– Ну, е, Матильда.

– А у мэнэ хряк Васька! Давай спаруемо.

Так вона ж тоби ще й пидсвынкив прынэсэ. Ану як бильш десятка будэ?! Зайвых (лишних) продамо. Ото ж тоби и початковый капитал!

Задумали – сделали. Назавтра Николай со своим хряком с горем пополам перебрались через соседскую межу, как через границу. Два раза Васька вырывался и подолгу прятался в зарослях крапивы, как партизан. Не хотел расставаться с холостяцкой жизнью. Но, подключив соседских ребяташек, друзья всё-таки загнали «жениха» в свободную стайку. Матильду очень тщательно готовили

к первой брачной ночи. Подробности – не для широкой огласки. Но одну не обойти стороной. Чтоб сделать ее более привлекательной для жениха, купали в тазике со слабо разведенной марганцовкой.

Хряка накормили «от пуза». За неполных четыре месяца своей сознательной жизни он еще ни разу так сытно не жрал. Даже бражки друзья не пожалели. Всё, что от перегона первача осталось, в теплом виде пошло в корыто на замес комбикорма. Но «жених» на невесту так и не обратил благосклонного взора. Лениво поднялся с теплой лежки, посмотрел сквозь нее, как чиновник на просителя, взбрыкнул то ли негодуяще, то ли игриво и снова завалился спать. Переел, наверное. Или недопил. По принципу: нет невест некрасивых, просто мало спиртного. Не показалась ему Матильда, не приглянулась.

В отчаянии друзья пригласили ветеринара. Хряка кастрировали. И уже вместе с поросычьим эскулапом заливали горе и закусывали... Ладно, чем закусывали, об этом писать не станем. Но, говорят, если хорошо приготовить, то закуска отменная получается.

Хряк оказался несознательный, но идея-то не должна страдать! Матильду нарядили в старый пиджак, надели каску на голову, посадили в люльку мотоцикла БМВ – (боевая машина военная) и повезли сватать в соседнюю деревню. У поста гаишник, пока проезжали мимо на малой скорости, подозрительно косился на странного седока в люльке мотоцикла, но не остановил: не за рулем и в каске всё-таки.

В одну деревню съездили, на другой день – в другую, третью... Говорят, Матильде это так понравилось, что она раньше хозяйина в люльку запрыгивала, уже в каске, пиджаке и при полном параде.

Одним словом, хряка Ваську перевели на колбасы и сало, а Матильда в конце концов положила начало новой породе свинтусов. Такие маленькие, гламурненькие, в полосочку – точь-в-точь как тельняшка моего героического дедушки!

СТОПРОЦЕНТНЫЙ ОБЛОМ

Как-то один наш деревенский зашел в аптеку отовариться фанфуриками. Дружки ждали на фазенде, «трубы» горели, последние пятаки сбросили на фанфурики. Ну, знаешь, настойку в таких бутылочках продают: «зверобой», «календула»... Настойка-то эта вся на спирту, вот мужики и хлещут эту «календуру».

Аптечное зелье получается дешевле магазинного, да и безвредное оно. Только сушняк давит. После пивом отпаиваются.

Зашел Колян в аптеку отовариться, да пока ему упаковочку формировали, случайно обратил внимание на деготь. Крадется себе на витрине бутылочка граммов 25, маленькая такая, а стоит приличные деньги. Цена дегтя настолько поразила мужика, что он забыл про фанфурики и начал высчитывать, сколько же это будет стоить, к примеру, килограмм, а потом – ведро дегтя? Цифры получались астрономические! Пока Колян упражнялся в математике, умножал граммы и килограммы на рубли, дружки его изнывали от жажды и мечтали поскорее «поправиться».

Наконец принес Колян своим приятелям заветную упаковочку, и пока они наводили поило нужной концентрации, Колян увлек их рассказами о будущих баснословных прибылях.

– Наши деды дегтем сапоги и телеги смазывали. Да разве ж они его килограммами заготовливали!

И решили мужики добывать деготь. У стариков выпытали всё про технологию добычи дёгтя. Там надо как-то березу особым образом жечь, чтобы она тлела, присыпанная землей, что ли.

Сентябрь, октябрь и ноябрь жили в лесу. В деревню наведывались только по субботам, в баню.

Но зато когда появлялись из леса, в деревне все уже знали – «дегтярники» идут! Закопченные, как шахтеры, и запах от них – за версту было слышно. Собак – не унять! Даже родные псы не признавали своих быв-

ших хозяев, кидались на них, как на злодеев.

Только жены были довольны. Пить-то мужики почти совсем бросили, разве только – после баньки, по маленькой!

Барыши от данного предприятия ожидались небывалые. Сколько раз принимались считать – деготь на вес золота выходил! Технологию добычи никому не рассказывали. Никому в деревне больше не разрешали дегтем заниматься – застолбили эту статью дохода.

Аж перед самыми крещенскими морозами, уже на санях, вывозили они из леса две двухсотлитровые бочки с дёгтем.

Но все усилия наших горе-предпринимателей оказались напрасными. Чтобы из бытового получился лечебный деготь, его нужно было каким-то особенным образом перегонять, очищать, проходить сертификацию. А сертификаты и лицензии получить у нас дороже станет, чем ещё раз столько же дегтя выжечь! объездили чуть ли не всю область – ни одна аптека их продукцию в таком сыром виде не принимала.

Зря старались! Не получили за свой дёготь ни гроша! Хотели как лучше, а получилось – как всегда! Стопроцентный облом! Вот и занимайся после этого предпринимательством в России!

МЕНЯЕМ «КОРЕННОГО» НА «МЕСТНОГО»

В прошлом году выдался урожай на кедровые орехи. Еще с лета можно было наблюдать обилие завязи на могучих деревьях. По наивности я рассказал об ожидаемом урожае своим городским знакомым. Наступил август, и мои приятели стали звонить и спрашивать, когда, мол, шишковать поедом. Отговаривал их сколько мог. Говорил, что рано еще, ореху дозреть надо.

Вот пройдут осенние дожди, шишка отяжелеет от влаги, тогда в первые же ветреные дни весь урожай – наш.

Нет, не выдержали, приперлись раньше времени. Побоялись, что бурундуки, белки,

медведи, кабаны, кедровки опередают. Да и местные жители рядом. Ходи потом по оборушам!

Ребята приехали серьезные, заводчане. «Урал» с будкой у них. Да и в будке тоже «будки» немаленькие! Двенадцать человек и три ящика водки. Сила! От города триста верст отмахали. На бензин потратились, с работы отпросились...

Делать нечего, надо ехать в урман. На другой день засветло добрались до кедрача, расположились, выпили по первой...

– Шишек на земле не видно, – рассуждаю вслух, – придется на деревья лазить или «с колота» пробовать.

Выяснилось, что по деревьям лазить никто не пробовал, да и энтузиазма это не вызвало, особенно у тех, кто особой стройностью не отличался.

– А что значит «с колота»? – любопытствуют мои знакомые.

– Это значит, что нужно срубить березу метра три-четыре длиной. И на плечах ее таскать от дерева к дереву. От кедра к кедру. Под комель ставят самого амбалистого...

– О, это у нас Лёха!

– Остальные за ним пристраиваются. Человека по три на одну такую березу. Потом находят подходящий кедр, чтобы не сильно толстый, но урожайный. Подводят березу под комель кедра, веревками оттягивают березу за макушку и «вприклад» колотят кедр. Шишки сыплются на землю, мы собираем. Потом перетаскиваем свой «колот» к другому кедру и повторяем всю операцию заново. Наука нехитрая, – завершил я свою лекцию по технологии добывания шишек.

Выпили за Леху, чтоб ему комель не в тягость. Выпили за науку, за то, чтобы шишки дружнее сыпались на землю. Потом еще за что-то... одним словом, наклюкались добре. И спать завалились!

Утром встали, спилили подходящую березину, привязали веревки к ее макушке, Леху поставили под комель, двое пристроились за ним, остальные со своими «колотами» – за нами... разделились на бригады, чтобы колот таскать.

Голова гудит, ноги под тяжестью березы заплетаются, во мху и траве утопают, за валенник цепляются, плечо, на котором лежит «колот», саднит от его тяжести... Прем гуськом напролом. Из-за Лёхиной широкой спины света божьего не видим. Наконец, добрались до какого-то хвойного дерева. Подвели «колот» к его корневищу, оттянули постромки – бац по стволу! В голове «у-у-у-у!». А шишки не падают!

Бац! У-у-у! А шишек нету!

– Сильней стучать надо! – командую. Но и сильнее не помогает.

Наконец, после пятого или десятого раза, что-то жиденько зашуршало по веткам и на землю упало несколько шишечек. Подняли их.

– Какие-то они маленькие! – разочарованно протянул кто-то из городских.

Задрали головы вверх:

– Так это ж сосна, братцы! Лёха, ты бы нас еще к осине привел шишковать!

Он-то эти деревья только на картинках видел. Откуда ему знать, чем сосна от кедра отличается?

Пришлось менять «коренного» на «местного». На меня то есть.

ПАУТОРЫ

В Белоруссии пишут, как говорят. А говорят еще смешнее, чем пишут. Помнится, в юном возрасте, когда Жора впервые приехал в деревню к родственникам, подумал: «Во клево! Никаких тебе правил запоминать не надо. Пиши как слышишь!» Такое у него сложилось впечатление. Хотя на самом деле было оно далеко от истины. Но говорил народ действительно интересно. Вот какую картину наблюдал он на автовокзале, дожидаясь однажды автобуса.

Стоит мужик на остановке совершенно «синий», качается. Достал сигарету, засунул ее фильтром в рот, а спичку зажечь никак не может: то она ломается, то коробок в грязь падает. Все, кто ждет автобуса, от делать нечего наблюдают за муками этого мужика, комментируют его действия, посмеиваются...

Очередной раз падает уже на землю сигарета. В это время из громкоговорителя раздаются слова диктора: «На утаруя пасадашную плащадку падаецца аўтобус «Магылеу – Бабруйск».

Пауза.

Мужик, занятый доставанием сигареты из лужи, отвлекся на минуту. А это как раз был его маршрут. Пауза продолжается. Тишина. И мужик громко так и сердито: «Пауторы, сука!»

– Пауторяю, – как будто специально для мужика, снова говорит диктор.

Все грохнули от смеха.

– Аўтобус «Магылеу – Бобруйск» падаецца на утаруя пасадашную плащадку. Пасажаирау на шашнадцать двадцать просьба заняць сваі пасадашныя мяста.

Подошел автобус. Пропустив незадачливого артиста вперед, поглядывая на него и миролюбиво улыбаясь, пассажиры садятся в автобус.

– Шеф, – обращается наш герой к водителю. – Иде у тебя тут шастое место? Мне на «Бязрозках» остановишь!

Водитель строго: «Еще какие будут указания?»

– Пакуль усе! – уставший пассажир отвалился на удобном кресле и заснул.

А в салоне всё никак не могут успокоиться. Кто-нибудь, вспоминая картину на вокзале, громко говорит: «Пауторы...» и далее следует то самое слово, многозначительная пауза и снова – хохот. Потом, после паузы, кто-нибудь подхватывает: «Пауторяю...» и опять – обвал смеха!

Водитель включил громкую связь и попросил объяснить ему, что это у них за игра такая, над кем они так хохочут. Какая-то словоохотливая молодая бабенка с удовольствием под села к водителю и стала ему разъяснять, чем так насмешил вон тот, что мирно дряхнет на «шастом пасадашном» месте.

– Пауторы, говорит вот этот... пауза, а диктор: «Пауторяю...»

– Га-га-га, – заржал водитель, забыв включить громкую связь. Следом за ним опять смехом взорвался весь пассажирский

салон. С перепугу вскочил заснувший было пассажир и заорал:

– Бязрозки, Бязрозки проехали!

Водитель нажал на тормоза. И тут уже буквально все, то ли от смеха, то ли от торможения, сползли со своих кресел! Да так хохотали, что водитель, высадив бедолагу, минут пять не мог тронуться с места.

А наш герой в это время кое-как покинул транспортное средство и уже в отдалении, выписывая замысловатые кренделя и всё время догоняя центр тяжести своего собственного тела, героически продвигался всё ближе к такому милым его сердцу и родным Бязрозкам.

ПРО МЕД И ПРО ШАПКУ

Жора на аппетит не жалуется. Тельняшка плотно обтягивает его могучий торс. Лицо, руки, шея кажутся не просто загорелыми, а прокопченными и просоленными солнцем и морскими ветрами. Если Жора топчется рядом с вами в городском парке на летней веранде в ожидании пива и шашлыков, то доски настила стонут под его тяжестью. Охватывает желание покинуть опасное место. Но неудобно внезапно прерывать начатый разговор. В молодости Жора шоферил, возил председателя колхоза. Вот какую историю рассказал он «про мед».

– Сам знаешь, как на базах новое оборудование раньше доставали. А мы в то время надумали в колхозе механическую дойку внедрять. Приехали из деревни в город, на пункт комплектации. Работала там хорошо нам знакомая Валентина Ивановна. Толстая такая, мощная бабенция. Но, несмотря на свою фигуру, любила тонкий подход. По принципу: ты – мне, а я – тебе. Мой шеф, Александр Константинович Барановский, такое обращение очень хорошо понимал. Пошел он к Валентине Ивановне на переговоры насчет мехдойки. А я что? Мое дело телячье – сижу, жду в машине.

Нет его и нет. Дай, думаю, пойду, спрошу, долго мне тут сидеть? Захожу в каморку, где завскладом обычно накладные подписывает, а Барановский мне с порога:

– Дуй к машине, тащи сюда бидон!

– Какой бидон? – спрашиваю.

– Как какой?! С мёдом, который мы на пасеке наливали, – а сам мне левым глазом помигивает, знаки подает. Тут я понял, в чем дело: не хочет Валентина накладную подписывать – подмазать надо. А чем? Вот Барановский и придумал про мед. Изворачивается, приглашает меня подыграть...

– Так я ж думал, что это вы себе налили, и у вас дома его снял.

– Как снял? Зачем снял? Да ты что! Думал он! Да я тебя из шоферов уволю, да я тебя из колхоза выгоню! – И понес, и понес... Да так правдоподобно грозит!

Уже и Валентина Ивановна давай за меня заступаться:

– Константиныч, – говорит, – не кричи на него. Не ругай. Подпишу я тебе накладную – ничего страшного не случилось, в следующий раз мед привезете!

А нам этого и надо. До сих пор везем!

Таких историй у Жоры много. Рассказывал, например, как он в Ульяновке «УАЗик» ремонтировал. Месяцами там шоферы в общежитии маялись. А Жора в первые же дни своего пребывания на территории ремонтной базы перезнакомился со всем женским полом: мастерами, нормировщицами, слесарями и сварщицами. Был он голодный после армии до женского пола, а женщины это чувствуют на расстоянии. Ночевал Жора не в общежитии, а с комфортом, по очереди у каждой, никому не отказывал. Поэтому и ему отказа не было. Машину восстановил за пару недель, а еще, говорят, под кузовом мешок дефицитных запчастей умудрился вывезти, когда выгонял отремонтированный «УАЗик» за территорию завода.

Таким же образом (через женский пол) он однажды установил контакт с лакокрасочным заводом. Краски навезли столько, что на эту краску родной колхоз выменял свой первый в районе стогомет. А односельчане всю ближайшую пятилетку разрисовывали

дармовой краской все свои заборы, ворота и палисадники.

В следующий раз в колхоз по Жориной милости рыбы соленой завезли столько, что ее мешками вместо зарплаты на заработанный рубль выдавали. А добывалась та рыба на консервном заводе всё тем же проверенным способом: через Жорины знакомства с женщинами.

Много историй было, все не запомнились, но вот еще одна.

Повезли как-то Барановский и Жора старые электромоторы в город на перемотку. Председателю неудобно самому к бригадиру перемотчиков обращаться, посылает своего водителя и наказывает ему:

– Обещай золотые горы, но домой со старым ломьём мы не поедем.

Жора ведет переговоры, намекает перемотчикам, что председатель колхоза за срочность работы готов их отблагодарить хоть мясом, хоть зерном, хоть лесом...

– Ничего такого нам не надо, – отвечает бригадир перемотчиков. Что они, изверги, с крестьян взятки брать!

А вот нельзя ли как-то ондатр на шапки достать? Рабочий класс, с понтом, щедро рассчитается.

– Ондатр?! А что это за зверь? – Жора решил на всякий случай прикинуться чайником.

– Крысы такие болотные. Неужели ни разу не видели? И не слышали?

– А, крысы! Так у нас их видимо-невидимо!!! Пацаны ради озорства их из рогаток стреляют, палками бьют... Сколько надо?

У бригадира глаза заблестели. Тогда ондатровые шапки были в моде и стоили недешево.

– Так, на шапку шесть штук пойдет. Везите штук двенадцать – на две шапки.

Моторы быстро отремонтировали. А вот шапку из ондатры бригадиру носить так и не довелось, потому что забирал моторы с перемотки уже не Жора, а совсем другой человек.